

Дима А

Москва 2006

Предупреждение

*** - это три звезды.

Каждый видит их по-своему.

Кто-то на небе.

Кто-то на бутылке с коньяком.

Кто-то на погонах (своих или чужих).

Кто-то в журналах или между строк.

Словом, кто где.

Наконец, при желании это могут быть просто снежинки

Как видите, вещь универсальная, вполне подходит для названия книжки со стихами. Тем более что нормального названия я так и не придумал.

За редким исключением (если не указан год) все приводимые ниже стихи и не-стихи написаны в период с 10 июня 2004 года по 1 июля 2006 года.

Такие дела.

Надеюсь, что найдутся те, кто прочитает книжку до конца. Автору положено надеяться на что-то подобное.

Ну, вот на одно это и только и уповаю

1. Место, где закругляется земля

Мальчоночка

Мальчоночка в ботиночках
Прыгает на радуге
В руке его звезда горит
А голова пуста.

Вы только подойдите, он
Сразу вас обрадует
, рыба тухнет с головы
А засыпает с хвоста.

(1993)

Детство, ау!

Чем дальше
прыгаешь по головам и чакрам
В направлении Нирваны

Тем отчетливей понимаешь,
Что даже приход Бодисатвы с юга
Не заменит

Первого сеанса в кино

(какой-то венгерский мультик
вместо первого урока)

В обнимку с не успевшим похмелиться
сонным билетером
И сломанного автомата

Дающего двойную порцию сиропа
всего за три копейки.
Но шаги Бодисатвы все слышней

И остается только прикрыть глаза,
Чтобы по ним полоснуло бритвой
Не сразу.

Так важно успеть подумать:
Детство, ау!
Я скоро буду,

Подожди еще немного.

Начитавшись Пригова

Вот идет позитивно мыслящий,
А за ним негативно мыслящий,
А в хвосте уж инакомыслящий,
И от мыслей тех воздух греется...

И лишь я: ни одной мыслици,
Ни даже мыслишки,
Стою, потерял манишку
У метро “Алексеевской”,

Мысли в книжку собравший,
А потом все посеявший,
Снега рассеявши,
Перемены затеявши,

Жду тебя,
Солнце мое,
Уже скоро 15 лет,
А тебя все нет и нет...

Первый закон реинкарнации

Ты станешь плакучею ивой
Я – наверное, песней,
Что громко горланят стены
Домов...
Но никто их не слышит

Мы вновь увидим рассветы
Тех снов, что не досмотрели
Тогда...
когда плавилась камни,
Когда любовь шла, где хотела

Но знай – никаких Офелий
И Гамлет – тоже пустышка...
Мы просто сидим в карусели
В потоке реинкарнаций

Так смейся, плакучая ива,
Бежать от себя бесполезно.
Все будет так же, как раньше
Но...
чуть веселей, возможно.

Я слышу: светило восходит,
Скрежещет старое небо,
И дворник одел телогрейку...
Идем, встретим желтое солнце
Пока...
не стало зеленым

P.S.: в голове почему-то вертится песня Насти Полевой Марш плывущих Офелий

Старая Гвардия

В тот день, когда умрет Старая Гвардия,
Вместо солнца взойдет желтое пятно,
Но кроме тебя и еще двоих
Этого никто не заметит.

Только бронзовый император,
что стоит у меня в коридоре,
Тихонько вздохнет и повернется
Сядет в три четверти,

Потому что наступит новое время
И пора покупать новые часы
И объявлять новый дисконт
По трехпроцентным бумагам.

Мои глаза теперь будут пусты,
Как молитва папуаса,
Мечтающего о будущих вкусных соперниках –
Они уже вряд ли привлекут тебя.

Старая Гвардия умирает,
Опираясь на протезы,
Имя которым: Любовь и Дружба
Аминь...

А мы пойдем дальше, храня в душе
Послевкусие, которое не закоптит
Даже самый большой людоедский костер
И самый громкий шелест векселей

Дорог на свете много,
Ни одна не желанна,
Но это вовсе не повод,
Чтобы стоять на месте...

Про Москву

Между Мехико и Осло
Спит спокойно городок
Иль мерцает огоньками
Так... не низок, не высок...

Не кляни его напрасно,
Не люби так горячо,
Он давно уже не Осло,
Но не Мехико е.

P.S.: по географии, конечно, уместнее было бы Токио вместо Мехико. Однако же, Мехико больше подходит по смыслу.

Весна-Осень

А в метро распустились цветы на столбах,
Наверху где-то видно бушует весна,
Не укурен, не пьян, не запутан в долгах,
Но совершенно лишился покоя и сна.

Наступаю на плиты, чтоб ровно в квадрат
Прям как в детстве – ни сантиметра за край!
В уши стонет Вертинский про сумрачный сад,
Запах ладана, лестницы, платья и рай

Лыко в строку... слова... оторвись голова,
Полетай Берлиозом над сонной Москвой!
Здесь бывает со всеми... не раз и не два,
Просто осень опять я попутал с весной...

Бездна и майор Гуськов

На пересечении
Рязанского проспекта
и улицы Паперника
Вчера в 23 по полудни
Разверзлась бездна

И птицы покорно сложили крылья,
Поминая безвременно
Сгинувшего
Майора Гуськова,
так и не успевшего
выучить, как пишется слово
Рекогносцировка...

А с ним – и десяти адептов
военной кафедры
Государственной Академии Управления
(в просторечии – ейхуйни)

Граждане водители!
Осторожней объезжайте бездну!
ГАИ не несет ответственности,
а в небесной канцелярии
Сегодня
не приемный день.

2. Ловец снов

Ловец снов

Поймал сон –
Теплый,
как южная ночь,
и светлый,
как полярная,
, твой...
Заходи.
Очень скучаю,
Даже во сне...

P.S.: Вполне понятно, что полярная ночь обычно совсем не светлая. Вернее так она далеко не всегда светлая.
Но... из песни слов не выкинешь.

Кое-что о Зазеркалье

У моей души всегда было две дверцы.

Одна парадная, а другая... ее закрыли очень давно.

Когда ее закрыли, мне было лет шесть или семь. Тогда я думал, что мое отражение в зеркале зовут Мальчик Валера, и с ним надо обязательно каждый день здороваться и разговаривать, иначе он обидится, уйдет, и я больше никогда не увижу себя в зеркало.

Но с тех пор прошло уже порядком лет. Вокруг парадной двери я наставил рогаток и ловушек, чтобы не , кто попало. А эту никто не открывал. Не было нужды, наверное (что там ловить, в Зазеркалье?)

Но вдруг недавно— е стук. Во вторую дверь. Негромкий. Сначала думал, что ослышался. Но нет, она вдруг сама отворилась.

А там Ты...

Стоишь себе такая... я даже опешил. Думал, повидал уже всякого, но выяснилось – нет. Все это было быть может Около Того и не более. А Такого Вот не видал никогда.

Ты посмотрела-посмотрела на меня и вдруг говоришь:

– Ой, наверное, я не туда попала.

Я говорю:

– Да почему же?

А Ты в ответ:

– Да нет, я точно ошиблась.

И приложила мне палец к губам. Я после этого – ни крикнуть, ни шепнуть.

И стала быстро-быстро удаляться.

Быстро-быстро растворяется в Зазеркальном тумане, что с утра упал на близлежащие холмы.

Быстро-быстро притворяться то птицей, то облаком, то травинкой.

А когда ко мне вернулась речь, Ты была уже далеко.

Да и кричать бесполезно.

В Зазеркалье ведь чем громче крик, тем хуже слышно.

А шептать до сих пор не могу – только в мыслях.

Кое-как стряхнул наваждение, целый день держался, но к вечеру подошел-таки к зеркалу.

Смотрю там опять Валерка.

– Привет! – говорю

– Привет! – отвечает – какие дела?

– Да вот булку купил... калорийную...

– Настоящую?

– Да, совсем как раньше.

– Оставишь половинку?

– О чем речь. Заходи.

Посещение Мэри Попинс г. Санкт-Петербурга

Ты видел ее? Нет,
Скорее услышал
Знакомое слово –
Гипербореи

Мне кажется, это
Какой-нибудь ветер,
Что сносит печали
Туда, к океану,
Лишь соль на губах
Оставляя

Немного, как видишь,
Я знаю о ветре

Но в этот же день –
серый день полнолуния
(навряд ли бывает,
но, впрочем, оставим)

Я видел - она
На зонте прилетела
Немного растерянной...
Не ожидала

Скорее всего,
Что ее так закружит
Астреево племя
И бросит сюда к нам
На Марсово поле

Лениво и чуть
Грациозно спустилась,
Присев в реверансе,
При встрече с землею

Она, не запачкав
Вечерних нарядов,
Исчезла в толпе
Возле Летнего сада...

Такие дела. Жаль,
Что ты не заметил
Печального лика
И гордой осанки

А ветер – ну что ж,
Он всегда надувает
С залива сомненья
Печать или радость

Такой уж тут климат
(Москва отдыхает)...

Лётчик

Куда пропал?

Да не было в живых

В. Вишневский

----- Куда летим?

– Куда-нибудь туда,
Где смолкнет гром
Трескучих одиночеств,
что город заполняет
Навсегда...

Над полем ты чуть-чуть
К земле прижмись,
Чтоб рассмотреть,
Какие там ромашки.
Наверно, желтые...

– Смотри не заглядись...

– Над лесом
Поднимись наоборот,
Чтоб ясно чувствовать
Пьянящий запах хвои
Крапивы и, конечно, зверобоя.
Да что с тобой?

– Сам черт не разберет.
Вот домик тут
Какой-то на холме,
Вот виден чей-то сад, за ним – ворота
И речка вытекает из болота

– Летим... темнеет... очень неохота
Вновь совершать посадку при луне.

– Тот домик посетить я был бы рад,
Хозяйку повидать, мы б спели вместе...
Боюсь лишь, огорчит ее известье,
Что умер я уж девять лун назад...

– Летим...

– Летим. Навстречу тем краям,
Где ведьмы между облаков рыдают,
Где леший клюкву с анашой мешает,
Где счет теряется ночам и дням.

Смех русалки

Он дернет в тиши тебя,
Как больной зуб, или что-нибудь е по нервам.

Какие здесь могут быть русалки,
На десятом этаже?
Да хоть бы и на пятом!

А в реке даже всю несъедобную рыбу
Переловили пожарники с ЗИЛа
Когда сунули ненадолго кабель 380 вольт в воду
в одна тысяча девятьсот
ну, неважно. Не об этом.

И все же смех русалки
Прекрасно слышен
И знакомый запах
водорослей озера Байкал (не спутать ни с чем).

- Какой же ты дурак, – говорит мне русалка сквозь смех.
- Отчего?
- Ты ведь все ходишь за ней.
- , куда я не , предположим.
- Правильно, ты ДАЖЕ НЕ ХОДИШЬ.
- А почему тогда дурак?
- А вот потому и дурак, что не ходишь Вот что –
Становись-ка ты лучше окунем. Это быстро – только
хвостом махнуть разок-другой
- И что?
- Будешь жить под водой все время молчать и прислуживать нам, когда мы захотим заарканить настоящего кабальеро. С черными длинными усами.
- Да ну тебя.
- Ладно, как знаешь...

Снова смех и все пропадает.
Я, оказывается, спал... ну собственно, а как иначе.
Десятый этаж, вернее пятый.

Пора вставать и идти.
В утренней темноте нащупываю брюки, вытряхиваю из них чешую и, тщательно замаскировав жабры и плавники под рубашкой, отправляюсь на службу.

Все бы ничего только ноги болят.
А в мозгу неотвязно вертится дурацкая фраза: не танкист, я Ихтиандр...

Я слишком отчетливо слышу

Я слишком отчетливо слышу,

Как мягко стуча каблучками,
Тыходишь в свою квартиру,
Снимая новые туфли,
Устало бросая их в стену,
Где мог бы висеть мой портрет

Еще я, пожалуй, слышу
На улице крики мальчишек,
Как в кухне шипит кофейник
И тихие звуки рояля,
Что душат тебя столько лет.

Не плачь, посмотри за окошко –
На небе лодка Амона
Плывет, величаво качаясь,
И весла гребцов расплескали
Чуть розовые облака...

Услышу, как ты улыбнулась,
А значит прошла непогода,
И минимум на полгода
С тобой будет все нормально,
И жизнь легка, смерть далека.

Теперь я тебя покину,
Поскольку усталое небо
Вот-вот сорвется на землю
Мне надо успеть с заклинанием,
Пока не упало оно.

Я слишком отчетливо слышу
Почти что е в этом мире...
Но знаешь, всего приятней
Мне слышать твое дыханье
И запах сирени в окно.

3. Славянские сказки

Садко

Что я видел? Да что угодно –
Сотни жутких тварей подводных,
Водяных засохших над златом,
Рыб паренье в безлунную ночь,

И еще толстозадых русалок,
Что насилуют мореходов
Утонувших, и с солнца восходом
Уплывающих, булькая, прочь.

Что так долго? Да сам не знаю –
Спал на водорослях, проклиная
Дикий шторм, что вмиг долетает
Аж до самых укромных глубин.

Этот сон мог бы быть и вечным,
Если б мне не попался навстречу
Старый карп, укусив за предплечье,
Разбудил: Парень, ты не один!

Что пришел? Посмотреть захотелось,
Как на небо солнце взлетело,
И такого ли облако цвета,
Каким кажется из-под воды.

Я принес немного жемчужин
И еще осьминогов на ужин.
Открывай, я немного простужен
И не дуйся из-за ерунды.

Баба-Яга

Опять кончилось зелье, итить-колотить!
Старый ржавый пантакль куда-то пропал,
Скоро полночь, пора уже жабу варить,
Только сил больше нет, ревматизм задолбал!

К утру съедутся гости (а стол не готов),
Комплексующий змей, модный гном-трансвестит,
Одихмантич Лягва из заморских краев,
Бледна Немочь придет и Паук-паразит.

Как начнут пировать – разорят огород,
Перебьют все горшки и загадят избу!
До чего же достал сей богемный народ!
Разогнать бы к чертям, всех видала в гробу!

А за три тыщи лет изболелась душа...
Мне б кормильца-поильца, чтоб дверь починил,
Огородик вскопал, чтоб меня уважал,
И еще... чтобы крепко и нежно любил...

Решено! После праздника в город лечу,
Украду там пяток помоложе хрычей,
Одного сразу съем, остальных окрочу –
Предстоит мне немало веселых ночей.

Спящая царевна

Не будите сонну царевну –
Ей сейчас попугай приснится,
На зеленом снеге сидящий,
Весь покрытый пестрой листвою.

Дальтонизм не причем здесь,
А также, не Морфея это проказы.
Просто сон раз в году случился,
Хочешь – падай, не хочешь – стой.

Сей чудесный сон беспечальный,
В нем волшебнo плачет валторна,
Летний дождь серебром искрится,
На траве хрустальна роса...

Смелый, благородный мой рыцарь,
Не целуй, куда торопиться,
Никуда не денут полцарства...
Подожди хотя б полчаса.

Если бы не бледная немощь,
Я бы сам целовал, уж поверь мне,
И не в губы везде, где придется.
Стон стоял бы с ранней весны.

Но я дух, я бесплотен и жалок,
Надо мною природа смеется,
И все что мне еще удастся –
Тайно видеть чужие сны.

Зимние сны и Золотая Орда

Витязи бродят, гремя сапогами
По ламинату. Замерзли дома.
Конница скачет. Воздвиженка взята.
Дальше Арбат. А старуха зима

В силе еще. Миражи навевает.
И мостовую метет бородой.
Красный петух в пол-окна освещает
Черную лаву Орды золотой...

Я встрепенулся: вот сон беспокойный,
Ты в нем сейчас пронеслась на коне,
Но обернувшись у колокольни,
Вдруг улыбнулась. А мне? Иль не мне?

У крыльца

Если бы я был умным,
Я б тебя забыл
Или вид бы сделал,
Что и не любил.

Были, мол, забавы,
Всякая фигня,
Мол, верни мне шапку,
Верного коня.

Если б был я стойкий,
Так бы не дрожал,
Пил бы я настойки
Не из мандража.

Был бы я ревнивый,
Сцену б закатил,
Ты б тогда узнала,
Кто тут крокодил.

Не такой бы пьяный
Если был бы я,
Не свалился б в воды
Твоего ручья

Только все напрасно –
Я и мокр и пьян,
И не стоек вовсе,
И высок бурьян.

Глупость от природы,
Счастье на лице,
Жду, когда ты выйдешь
Сядешь на крыльце

Я уж третью вечность
Под окном в трусах.
Колдовать устала
Ночь на небесах.

Иль гони навечно
Или в дом впусти.
Бесконечно сердце
Без тебя грустит.

Ручей

Уже брось меня, солнышко мое,
И забудь, какой это был ручей,
Поплыву я, вдаль, унося е –
Полудохлый маг, доктор кислых щей.

Раньше я гремел, заржавела кость.
Было – и стонал, заглушили сны.
На параде я был как первый гость,
А теперь лежу у хромой сосны.

Нету ни шиша, залежи богатств
Я раздал как мог, да остался бос.
Были у меня ключики от царств,
А теперь мои – травы да е.

А нажрусь овса – замычу козлом,
Выкурю бамбук, да перерожусь.
Свою гордость я завяжу узлом
И тебе е, солнце, пригожусь.

Не узнаешь ты, да узнаю я,
Ведь тебя забыть мне увы никак...
По ручью плывет береста-ладья,
И бросает тень мой дырявый флаг.

К другу

Эх, зачем ты сломал балалайку,
Да о голову кавалера?
Он ведь так выводил серенаду!
Ну и что, что твоей жене?

Все равно соленые ветры
Предрекают вам расставанья.
Так чего его бедолагу
Да за шею на пятой струне?

Скоро сами мы будем петь песни,
Завлекать девиц поглупее:
Не желаете ли на подпевки?
Срочно нужен женский вокал.

Лично я сочиню куплеты
Для пленительной серенады,
Чтобы нежность – просто до неба
Содрогнулся чтоб Рижский вокзал.

Ну а может – ну его на фиг?
Девки рассосутся на дачу,
И пойдем ЦСКА–Динамо.
Не были уже столько лет!

Солнце нас к полудню согреет,
Если под кроватью разыщет,
Ты починишь свою балалайку,
Я попробую сделать обед.

4. Сердце графомана

Поэт в России

Поэт в России,
Как и композитор,
Как и философ,
И бабоукладчик,

Пока не выпьет,
Ничего не пишет,
А уж как выпьет,
Ничего не помнит.

Вот потому-то
Остаются только
Стихов обрывки,
Мутные намеки

И вензеля, что
У крыльца желтеют.
Свидетели паренья,
Но чьего?

Жестокий рок,
Даруй хотя б однажды
Наутро вспомнить
Из числа созданных

Стихов или композиций
Хотя б одну,
А то ведь как-то пусто
Жизнь проходит...

Декаденты

Декаденты в ритме вальса
Распинают свои мысли,
Запивая кислым квасом
Набежавшие сомненья.
Пьяный писарь полоумный
Не хотел иного счастья,
Как сменяв на шиллинг пенни,
Ночь смеяться до упаду.

Что слова? Они как пенис.
То потухнет, то погаснет,
А в итоге: алименты,
Денег нет, пуста квартира,
Черный ворон, черный ворон,
С кем ты там играешь в теннис?
С той, чей неприступный профиль
Покорил почти пол-мира.

В голове моей стреляет,
В голове твоей стреляет,
В голове его стреляют,
Жаль, никак не попадут...

Декаденты в тоске тихой,
Позабыв про отстраненность,
Пиво пьют с Прекрасной Дамой
И последняя довольна.

А наш писарь незабвенный
Исполняет роль премьеры.
Он кричит: Солдаты, вольно!
А солдаты и не спорят.
Ну а я как Гаявата:
Чуть устал, но неподкупен,
Пишу, сидя на заборе.
Я пишу: Люблю вас очень.
(1992)

P.S: стих похож на Гаявату, но так и должно быть.

В защиту колобка

Круглых дураков не бывает!
Они скорее квадратные и с заусенцами,
Которыми и цепляются при встрече с тобой.

От этого создается впечатление,
Что весь мир состоит из дураков.

А умные как мячики, тихо прокатятся
Где-то по коридору и завалятся в угол...
Пойди, разыщи и достань.

Вы скажете: а как же Колобок?
Да перестаньте, парню просто не повезло.

Бы (или достал Леонид Федоров)

Как бы,
Где бы,
Дабы
С жабой
Иль один
И даже
ОДИН
Тихо бродит,
Хороводит.
Бабки пляшут
В переходе.
По тебе
Тоскую,
Вроде,
Очень сильно,
Чуть тактильно
Прокричу
Сквозь кожу,
Дабы
Чтобы ты
Хоть где-то
Как бы
На минутку
Сквозь ухабы
Подошла ко мне
Хотя бы
Только раз.

P.S.:ОДИН – имеется в виду скандинавский бог.

День рождения

Три и два: тридцать два. Не шестнадцать
И не двадцать три, но отрадно –
Шестьдесят четыре не близко
Сорок восемь – вообще не складно.

Я проснулся: часы разбиты,
На гитару надет бюстгальтер.
Значит, гости вчера точно были.
Только где же подарки? Ну здравствуйте...

За окном зима и все то же.
Как мечтал я летом родиться!
Я, возможно, тогда б был моложе
И Отчизне бы смог пригодиться.

Дочь опять разбросала игрушки.
Интересно, жена приходила?
Сушняк долбит, болят сильно уши.
Ах, зачем меня мама родила?

Ладно, надо встать и умыться
Иль хотя бы найти двери в ванну.
Кто же мог на них покуситься?
Как-то это выглядит странно.

В ожидании просветленья
Выпит кофе накрепчайший.
Хорошо хоть, что день рожденья
Только раз в году, и не чаще.

Бредни метафизика

Солнце прячется под землю,
И я за ним – прижимаюсь
К траве головой
Глазами – к горизонту
Проводить его.

Так и не признал,
Дажебог это или
Все же Ярило.

Как теперь жить
Бедному метафизику?

Мудрость из детского сада

В зарослях попкорна
И всяких чупа-чупсов
Не осталось места
Настоящим чувствам

Весна в Ботаническом саду

Опасливо шурясь,
Лаская надежду,
Но строя гримасы,
Мол, все мы видали,
Сквозь первые лужи
Шагая крадучись,
Чтоб на искушение
Вдруг не наколоться

Да полно вам, стоит ли
Чистка мундира
Таких вот терзаний,
Товарищ Аниськин?

Не лучше бы лесом
Все это, иль полем,
Коль вырублен лес.
Ну, пойдёмте с собакой

Хоть в сад, право слово,
Где девы шальные
Исследуют травы,
Хвосты птицам крутят.
Они много знают
Секретов природы

Пойдемте-пойдемте,
Весна, в самом деле!
е будет время
Проклясть и оплакать

И юность златую,
И четверть зарплаты,
Разбитое сердце
И полуфиналы
(ну, как не попал он
В пустые ворота!)

Мне скоро лететь
А весна... в самом деле.

Я очень хотел бы
Вернуть вам улыбку,
Которую вы
В прошлый раз обронили

По-моему здесь

Сердце графомана (последний стих)

Я онемел,
Но сердце графомана
Не устает стучать тревожно
И начинает осторожно
Учить язык немых.

Писать
Оно умеет. Только
Не о чем,
возможно,
Вот потому создать несложно
Сей последний стих.

5. Мексиканские сны

Окрестности города Теотиуакан

1.

Во флейту дунешь – душа выйдет
Не насовсем – так, погулять немного.

Да и как не пройтись... Теотиуакан
(странно, теперь ведь и не выговоришь)

Ни за чем особенно, просто так...
как тогда

Ни о чем не думая
И не жалея.

2.

Не крепка небесная твердь

Ее дырвят самолеты
Каждый раз, когда взлетают и садятся

О космонавтах и метеоритах
Я уже и не говорю

Поэтому небо то там, то здесь расколется
И оттуда бесстыдно выглянет то,

Что боги (или кто там вместо них)
Больше всего хотели бы спрятать.

Поэтому важно вовремя посмотреть вверх
В том момент, когда
Солнце уже не высоко
Либо еще не взошло.

Кто-то живет днем, кто-то – ночью
Кто-то демонстративно смотрит в себя,
Кто-то – наоборот,
Но утром и вечером они беспомощны

И не могут ничего увидеть.

Другое дело –
как ты будешь жить дальше после того,
как заглянешь
за край
небесной тверди.

3.

Первый раз все случилось очень быстро.
Меня вот-вот должны были сбросить отсюда,
с пирамиды Солнца,
В жертву кому-то, имя которого уже забылось,
И которого никогда не было на самом деле.

Тогда тоже играла флейта,
но ее мелодия иначе гремела в ушах,
Заглушая страх лучше дурной травы, которую
На всякий случай тоже дали покурить

Перед церемонией.

И тогда небесная твердь лопнула в первый раз
Кто-то выглянул и буркнул:
Закрывайте, в самом деле, двери. Дует же
В этот момент обсидиановый ножик разрезал грудную клетку –
и душа выскочила на волю
и успела взлететь наверх...

4.

Каково там наверху?
Да так... сразу и не скажешь.
Там все почти так же, как здесь,
Однако перевернуто с ног на голову.

Как будто кто-то поставил большое зеркало
И разделил два мира.

То, что здесь вызывает радость,
Там, по меньшей мере, безразлично,
А то, от чего катятся слезы,
Там рождает только смех

Там приходится любить врагов и ненавидеть друзей,
Там важно не найти любовь, а убежать от нее.
Там хочется не оставить свой след, а
Начисто стереть все следы.

И, так же, как и здесь, это плохо получается.
И так же, как и здесь, ты
Смотришь себе под ноги,
(там, где в обычном мире расположено небо)
и мечтаешь о другой жизни, иных мирах,
Волшебных превращениях.

Более того, е, о чем ты мечтаешь, сбывается.
Но только после того, как ты возвращаешься в этот мир.

5.

Сколько раз это было?

Твердо вспоминается четыре.
Первый раз закончился в Тевтонбургском лесу
(просто отрубили голову, манипул попал в засаду)

Второй раз: был, кажется, инквизитор, жег верных и неверных,
Но, в конце концов, сам сгорел по чьему-то доносу.
Обычная история, не повезло.

Третий раз получился самый тяжелый – 20 лет болел, никак не мог умереть.

А последний раз – очень коротким – вышел летом подметать улицу
города Нагасаки, да так и остался тенью.

Все оттого, что кто-то сбросил на город
Что-то такое, что может
Быстро убить человека,
Но почему-то жалеет его тень.

Отчего-то все радости и наслаждения
там, за небесной твердью,
в конечном итоге превращаются
В такие вот желания.

Кто бы объяснил.

б.

В этот раз случилось что-то странное.
Не возникло никакого желания
И потому никто не смог в этом мире определить
Никакого внятного финала.

И вот теперь я стою,
Ни о чем не думая,
Ничего не помня
И ни о чем не жалея

На площади мертвого города Теотиуакана,
Населенного теперь только глупыми предрассудками
И продавцами сувениров.

Я ожидаю заката
Поскольку восход уже пропустил.

Снова играет флейта
Правда, фальшивит немного

И в лучах солнца, бьющих прямо в глаза
(главное – не отводить взгляд)

Я слышу тихий голос:

Чего стоишь, приятель,
Езжай-ка ты обратно в Москву.
Там скоро снова лопнет небесная твердь
И ты поймешь, что нужно делать.

Из Мериды в Оахаку

Из Мериды в Оахаку
Без тебя... Конечно, грустно.
Жизнь вообще несправедлива –
Нет практически в ней счастья.

А прожить в Мериде можно,
Впрочем, как и в Оахаке,
Впрочем, как и где угодно,
Если ты со мною рядом.

Сны (ветер Юкатана)

Когда оторвешься как следует
От ржавого подоконника
То не забудь решиться,
Вверх тебе или вниз.

Тогда ты увидишь небо
И маленьких привидений,
Которые сразу скажут,
Исполнится ли каприз.

Сегодня хочу я увидеть,
Как солнце садиться над сельвой
И как пирамиды тонут
В дождя бесконечном эссе,

Как в сонной Тегусигальпе
Обкуренные индейцы
Ползут поперек дороги
На запах кофе глиссе.

Я медленно испаряюсь
Затем, чтоб вновь очутиться
Дома, где скоро неделю
Свирепствует вечный е.

Я снова случайно выжил,
Хоть падал, но не разбился,
Вдыхая ветра Юкатана...
Кто был там, наверно, поймет.

Мачо забыл заплакать

Мачо забыл заплакать.
Сельва молчит как тундра.
И только гордые птицы
Каркают у ручья.

Я подавил гордыню.
А также еду в котомке.
И в патио выхожу я,
Словно из забытья.

Зачем такие колени
Ты тайно себе отрастила?
Зачем так ярко сверкают
Болотного цвета глаза?

Старый обдолбанный майя,
Праправнук Кинич Ахау,
Мне говорил: бойся ведьмы,
Ведь мать ее – стрекоза.

Тонкие нежные пальцы
Ловко сомкнулись на горле,
Но даже в эту минуту
Нет никого мне милей.

Я думаю в царстве мертвых
С тобой мы встретимся снова.
Ты подойдешь и скажешь:
Что смотришь? Нектару налей!

P.S.:

Кинич Ахау – солнечноглазое (солнечноликое) божество. Бог солнца. Частый титул правителя в текстах, а также широко употребляемая часть имени правителей крупнейших городов майя.

Завершение пятого мира

Когда небо взорвется, что будет потом?
Да считай ничего. Разноцветные искры.
Запах гари. Заря. Горизонт за бортом.
Пустота на душе. И пустые канистры.

Громяхают внизу... Не дави так на газ,
Не спасешь. Хоть пейзаж трижды в точку сольется.
Пустота очень скоро докушает нас,
Но зато ни о чем сожалеть не придется.

Разорвался однажды, Бог знает когда,
Этот мир на какие-то там континенты,
Междуречья, дворцы, семена, города...
Мы стоим и молчим в ожидании момента,

Когда небо внезапно опять полыхнет
(Сколько я не смотрел, не привыкну, ей-богу),
Когда словно ступивши на тоненький лед
Этот мир рухнет в бездну... туда и дорога?

Полно, хватит, ведь нам с тобой снова пора
Строить заново все по мельчайшим крупичкам.
Мы опять создадим все, что было вчера, –
Горы, реки, леса, города и столицы.

P.S.: это получился диалог ангелов-разрушителей (они же созидатели). Пятый мир в представлении индейцев Мезоамерики – это мир, в котором мы живем сейчас, им правит бог солнца Тонатиу. Должен закончиться страшным катаклизмом.

6. Сердечная недостаточность

Аврора

Аврора вспыхнет, я ослепну
Как комсомолец П. Корчагин

Возможно, позже я успею
Изобличить е коварство
Однако, словом не обмолвлюсь
О том, что было между нами.
Блеснет Аврора над болотом,
Что называют Петербургом.
И я вздохну тогда свободней,
Быть может, потому что умер
В моей душе твой тихий голос
И омут карих глаз. Однако
Навстречу свету без улыбки
Я встану в полный рост, поскольку
Любовь ушла, пропала нежность
Душа застыла изваяньем
И остается дожидаться,
Что окончательно оглохнув
От залпа Крейсера Авроры
Я стану серым, словно камень.

Без сожаления и боли(хотя последнее – навряд ли)

Сердечная недостаточность

Знаешь...
Если бы у меня было
Сердце,
Я бы его тебе подарил.
Ты бы положила его
В нагрудный карман и
Оно бы там тихо постукивало
Рядом с твоим

И было бы здорово.

Жаль, что сердца у меня сейчас нет.
Раньше, помню, было много сердец,
Но все, похоже, раздал.
Или потерялись...
Теперь вот сижу... брожу.
Непонятно одно: Как кровь вся не вытекла.
Наверное, не надо было так все раздавать.
Побережь бы для такого случая...

Да и не умею по другому.

Как слеза упадет

Как слеза упадет
Значит, можно идти.
Все равно ничего
Здесь уже не спасти
Я пытался забыть
И немного заснуть,
Но, похоже, пора
Отправляться мне в путь.
Как слеза упадет
Уходя – уходи.
Вспоминай, не прощай
Думай что впереди.
Впереди – тишина,
Шелест и благодать.
Жаль, что не суждено
Это мне увидеть.
Река гонит баржу,
Тихо дождик идет,
Я который год жду
Как слеза упадет...

Прощание

Ты глазами покажешь мне: НЕТ
Я скажу: Посмотри бирюза!
Новый день появился на свет
Ну а к вечеру будет гроза
Ты тихонько прошепчешь: Прости
Я отвечу: Вовек не прощу!
Ты посмотришь: Не мучай, пусти!
Я вздохну: , иди. Отпущу
Бирюза вся с небес вмиг сошла
И разлилась тоска да печаль
Я, не глядя, спрошу: Ты пошла?
Словно шорох травы: Да, прощай

Летчик-2

То ли земля из-под ног,
То ли и впрямь полетел,
Но факт имеется – смог!
Жаль, не совсем как хотел.

Странный мой город затих,
Или я просто оглох?
Только окошка триптих
Смотрит вослед. Тихий вздох

Я подавлю. Ну и пусть...
Жаль, тебя нету в окне.
Я задушу свою грусть,
Буду свистеть при луне.

Маска – не маска, теперь
Сменит Пьеро Арлекин.
И я устрою, поверь,
Праздник еще не один.

Станет рекой... как всегда.
Будет ключом... между глаз.
И никакая звезда
Мне не напомнит про нас.

Ниточка

Ниточка твоя и моя,

Одним концом в печаль,
Другим – в забвение.
Привязала меня к нашему пепелищу,
Но уже не больно
И почти не грустно,
Немного жаль лишь,
Что так толком и не полетали на облаке(помнишь, собирались допрыгнуть).
А нынче
Небо все больше в легких узорах.
Они проскальзывают через пальцы
И разлетаются от звуков
Нашей нестройной песни про любовь:
Что тебе снится, крейсер Аврора?
Ниточка твоя и моя.

Привяжи ее покрепче к запястью,
Как у меня

Ведь если один из нас не дойдет,
Второй донесет его
До цели
Хотя бы из вредности.

к С.С.

Больше не будет,
Меньше не надо.
Без похорон
Не бывает парада.
Я вот отравлен
Твоими глазами.
Не отпускают... (еще со слезами)
Больше не будет,
Меньше не надо.
Кольца на пальцах
Вместо награды
Воспоминанья (выплюнуть сердце).
Тусклый рассвет
Да скрипучие дверцы.
Так и сажу
Среди жуткой прохлады
Больше не будет
Меньше не надо.

7. Ревну-Люблю

Признание

Что изменилось с твоим появлением?
Только одно. Раньше сдохнуть просто не было времени,
А теперь стало незачем.

Вот и все.

Обличение красавиц

Больше скажу – никогда
Никаких не бывает красавиц,
Чтоб не намотаны нервы,
Не порвано сердце на части,
Не клеены лапы мазутом
И чтоб не напрасно все было(уж если и было чего).
Только однажды под вечер,
Как злое солнце покинет
Небо и жечь перестанет
Лысину мне (а что делать?
ведь лишь тебе оно радо:
ласково греет колени,
словно целуя с утра).
Станет понятно, что легче
Встать у ворот безнадежно,
Чем, сохраняя приличья,
Между тоской и гордыней
Мрачно водить хороводы(пусть даже и не красавец,
да и не рослый совсем)

Все ни к чему,
никогда никаких не бывает
рослых красавцев
с цветами у врат городских.
(М.Щербаков)

Ревну-Люблю

Ревну... Люблю.
Хреново сплю.
Терзаю SMS.
А ты... а ты...
Да то же все:
Ноблес да политес.
Тебя соперник
Мой, поди,
Уж всю зацеловал.
Удачлив он
И знаменит,
А я почти пропал.
Засох мой сад,
Закис мой пруд,
Заграхали грачи...
Найду – убью!
Ревну... люблю... Ты только не молчи.

Размышления у почты

В этом городе есть угол,
Где в любви тебе не клялся.
Даже два – один у цирка,
Второй, кажется, у почты.
Там я не стоял убитый
И коварством пораженный. Там я не кричал проклятья,
Не молил о состраданьи.
Там всегда я был спокоен:
Раз – у цирка, два – у почты.
Был ли третий? Это вряд ли.
Был у почты неприступен
Я не ждал звонка, не грезил
О случайной нашей встрече.
Был у цирка апатичен
И рассматривал медведя
Или, там, слона, не помню...
В остальном – да все как прежде.
Цирк уехал, надоело
Дураком стоять у почты,
Ковырять в носу лорнетом.
Все брожу. Средь улиц тесно,
Средь полей – одна простуда
От весны ли запоздалой
Или это просто сердце?

Диалог

– Плюнь, брось, забудь, уймись,
Да кто тебе она?
– Пожалуй, что никто,
Да только вот весна
– А делать будешь что?

– Да, в общем, ничего...
Смотрю пока в окно.
Схожу потом в кино.
– Не надо киснуть, друг,
Так действовать давай:
Возьми велосипед,
Поймай такси, трамвай,

Езжай ты прямо к ней,
Проси или угрожай,
В кабаки, в кордебалет,
До дома провожай
Да что ты в первый раз?
– Все правильно сказал,
Да только здесь не то...
Видал ее глаза?
Синеет в них печаль,
Багряный в них закат,
Цикуты горький вкус,
Как сладкий мармелад
Мое есть детство там
И старости пути.
Мне жаль тревожить их. И страшно отойти.

Стих для той, кто молча ходит

Ты молча ходишь за стенкой
По комнате
Зачем-то на каблуках.
И каждое касание паркета
Оставляет дырку в сердце.
Ей богу, лучше бы обижалась,
упрекала, орала (в случае чего, поорали бы вместе).
А так...
Поневоле начинаешь думать,
Что попал в ловушку,
Как ни старался.

И теперь
Все что остается – это спрятать до утра новые дырки,
Чтобы ты не заметила
Не снимать что ли рубаху
Никогда...
При тебе...

Частички Адама Рухани

Зачем пришел?

Ты же прекрасно знаешь зачем.

Я пришел не поклоняться

Хотя с виду вылитый поклонник,

Хамящий от растерянности, и не знающий,

когда лучше впасть в другую крайность.

Я пришел не умолять,

Хотя ручки уже домиком

И вид такой, что вполне годится

На фреску под потолок

Куда-нибудь в Ватикан

(последний оплот соцреализма).

Я пришел не смотреть в глаза

Ты прячешь взгляд так ловко

Да и эти линзы...

Я пришел напомнить тебе

(Хотя уверен, что ты не забыла и так)

О том, что внутри тебя и меня все так же:

Горят частички души Адама Рухани,

Бог знает когда разделенные

И истосковавшиеся друг по другу.

И вот я, преклонив колени,

смотрю на тебя,

Сохраняя приличествующее случаю

Не слишком умное выражение лица.

И вопрошаю:

Когда же, золото мое, все это кончится,

И ты перестанешь прятаться в настроенных тобой лабиринтах,

Где пропадают поклонники, контрагенты и

Просто праздные зеваки

Когда же мы сможем сделать то, для чего появились здесь

И чего, по чести говоря, хотим больше всего на свете

Но твой лукавый взгляд отвечает мне:

Какой ты нудный!

Опять за свое.

Да еще эти нелепые цветы...

Разве не может подождать все это до следующей реинкарнации?

У меня вышла такая классная система отлова, что право жалко бросить

Вот так все и уйти.

Я вздыхаю, поднимаюсь с колен и направляюсь к выходу.

О, женщины, как вас понять

(а цветы-то и правду не того).

Трамвай

Когда тут еще ходил трамвай
Однажды ночью я шел по рельсам,
Чтобы не заблудиться
И вдруг увидел,
Как ты сидела на пустой остановке
и курила.
Я подошел и сказал:
Послушай, я не видел никого прекраснее.
Я люблю тебя. Ты ответила:
Не стоит, я все равно скоро умру.
Но вышло так, что я умер раньше.
А потом разобрали трамвайные пути и остановку,
, тоже.
И я не знаю, что с тобою теперь.
Но когда над землей мало облаков,
Я всегда вглядываюсь
Туда, где раньше ходили трамваи.
И иногда мне кажется,
Что кто-то
Стоит там, на том самом месте,
Как будто на остановке,
Или ловит машину
Почему-то
Не поднимая при этом руки.

Время

Время течет неровно.
Без тебя слишком медленно, с тобой – слишком быстро.
Без тебя я только и делаю, что подбираю упавшие слова.
Чаще всего бессмысленные.
Чаще всего – некоторым образом в рифму.
Немного похожи на стихи, но это не-стихи
Если бы, прочтя их, ты ощутила,
что время перестает торопиться
и течет так, как нужно,
тогда... их можно было бы считать
настоящими стихами.
А так...

Любовно-ядовитое

Выпей яду... уже выпил.
Хожу красный, словно вымпел.
Будто я – фанат команды
(прости Господи) Спартак
Но гораздо больше яда
В твоём чистом светлом взгляде
Это ты – такая прелесть,
Или я такой дурак?
У нас стужа, яд невкусный,
Из метро несет капустой,
Мыслей нету, кот жрет мюсли,
Громко чавкая в углу.
Я скучаю, я страдаю,
Я любовь предполагаю...
Дрова в печке прогорают –
Надо помешать золу.

К разлуке

Сколько ни целуй – е будет мало.
Сколько ни храбрись – а е маньяк.
Ты ушла – меня опять не стало.
Так, какой-то в воздухе напряг.
Мне теперь равно– зима ли, лето,
Я теперь расту в пустой земле...
Помню только как с тобою где-то
Плыли на печальном корабле.
Что мне делать? Только ждать посадки.
Я успел как будто бы на взлет.
Жизнь глупа и без тебя не сладка...
Крыльями качает самолет.

8. Поймай ангела

Поймай Ангела

Зацелованный солнцем,
Укушенный ветром в макушку
Ангел
На том берегу
Красит ногти на раскладушке
В ядовито-зеленый цвет.
А я на этом,
И моста
Толком нет.
Был бы он девочкой,
Было б на что надеяться...
А вдруг мальчик?

Пианино

Треснула дека у пианино
Еще в одна тыща затертом году.
Если б не этот трагический случай,
Я б бесподобно сыграл бы сонату
Или кантату... и только для Вас.
Правда, я вовсе играть не умею,
Да и со слухом...
Но, все же, кто знает.
Может тогда бы я в Ваших глазах
Не пал бы столь низко.

И не пришлось бы мне бегать по девкам,
Часто продажным, еще чаще дурам.
Делая вид, что меня не волнуют
Ваши ресницы и кончики пальцев
(как это может не волновать!)
А пианино – чинить непременно!

Капля света

Капля света? Не бывает.
Нет, бывает. Вот увидишь.
Скоро я совсем засохну
От любви неразделенной.
Прилечу к тебе украдкой,
Стану просто каплей света
На бедре твоём на левом.

И в тот час, как кавалеры
За него тебя ухватят,
Я укусом скорпиона
За ладони их как тяпну!
Чтобы помнили, мерзавцы,
О культуре-уваженьи,
Что долженствовать прилично...
Чтобы рук не распускали
Без нужды и позволения.
Так и буду каплей света
На бедре твоём на левом
До поры пока Венера
В небе об руку с Авророй.

А ты скажешь – не бывает
Капель света
Скажешь тоже!

Владычица

Владычица души моей
Не отвечает мне на письма,
А я извелся весь от мысли,
Что вовсе я не царь зверей.
Что по боку... окончен бал,
И было е почти напрасно, (Хотя волшебно и прекрасно)
Что свое счастье проиграл.
Я помню Царское село,
Там, помню, что-то делал Пушкин.
А я с ушанкой на макушке
Хватал девицу за весло.
Минул и след тех светлых дней,
И я теперь в тоске-печали.
На письма мне не отвечает
Владычица души моей.

Чепчики

Кричали чепчики ура
И в воздух девушек бросали.
А я стоял себе и думал:
Бежать, бежать к тебе скорее,
Скорей сорвать дурацкий чепчик
(Да что уж там: не только чепчик),
Чтоб он не смел тебя бросать.
За мельницу его забросить

Да и вообще забросить е,
Чтоб ничего нам не мешало
Власть друг на друга наглядеться.(Ну и не только наглядеться)
Но что мне вам тут объяснять?
Уж как-нибудь переживете.
Глядите, девушки летают
Какое дело вам до нас?
P.S.: Забросить чепец за мельницу - немецкое выражение, аналогичное русскому пуститься во все тяжкие

Прекрасной Даме ко дню рождения

Неутомимый паралитик
Сучит здоровою ногою.
Наверно он тебя увидел
Да в эротическом костюме!
Желаю быть тебе прекрасной,
Как это облако шальное.
Я б тоже дрыгался и прыгал,
Увы... связали санитары.

Не забудь

В тот день, когда
Из пушистого белого котенка
Ты окончательно решишь превратиться
В страшного злобного великана,
Не забудь
Перед этим сказать мне,
Когда расколдовать тебя обратно
И на сколько в связи с этим
заводить будильник.
А то знаешь,
Всякое бывает.

Стих для той, кто забыла вырасти

Пропадет желанье быть королевой –
Можно счастье попытать и в лягушках.
Надоело тебе томной слыть девой –
Вариант есть: разноцветной хлопушкой.
Бахни так, что небо закуролесит
И сквозь дырку в нем ты убеги в детство,
Где грехи твои нисколько не весят.
Я давно тут жду тебя, по соседству.
Я нашел твои перчатки и веер
На дне старого совсем чемодана.
И еще там был поломанный плеер
И кассета в нем: Кино да Nirvana.
Ну, е и пропадем в летнем пухе,
Как в стране чудес... но не теряй ключик
В дивный кряхтя-вползая на брюхе,
И куст розовый не тронь. Он колючий.

9. Маленький кораблик

Там...

Там,
где через десять лет
Пьяные нефтяники
Уронят в скважину
Очень дорогой бур
При резке второго ствола,
Там,
где десять тысяч лет назад
Неведомые скифы-андроновцы
Просыпали на землю семена анаши,
Которую и сегодня ленивые казахи
Меняют на «Беломор» один к одному,
Там,
где 100 миллионов лет назад
Соленое озеро тихо
накатывало на берег,
Истирая в мел кости
Не вполне доеденного динозавра,
Там,
куда спустя 100 лет
Мы очень захотим,
Но так и не сможем
Попасть,
Там,
На плато Устюрт
Я впервые увидел тебя
15 августа 1992 года
И с тех пор не хочу знать
Ни времени, ни расстояний.
А зачем?

Маленький кораблик

Уплывет одинокий кораблик
Звонкой песней навстречу рассвету.
И волна, будто рухнувши с неба,
Вмиг укроет его с головой.
Я люблю, когда Вы возлежите,
Напевая до странности тихо
Про бездонную желтую полночь,
Южный ветер и теплый прибой.
Будет утро: фонарные тени
Вновь разрушат раскаты подземки,
Яркий ответ Саргассова моря
Превратится вновь в визг тормозов.
Никогда мы об этом не скажем.
Но я верю, запомним надолго
Эту ночь, это утро, кораблик,
Что летит между трех полюсов,
Где не слышно ни страха, ни боли...
Только светлая тихая песня
Согревает оглохшие души
И разбитые счастьем сердца.
Я надеюсь еще раз увидеть
В час, когда нам расстаться придется,
Этот маленький светлый кораблик.
Пусть проводит он нас до Конца...
(1995)

Только глаза

Я– это только глаза,
Что смотрят на тебя
Сквозь ночь.
Неважно какую:

Кромешную мексиканскую,
Белесую питерскую
Или нежно-колючий сумрак
Малого моря.
Ты то и дело пропадаешь.
Мне остается только силуэт,
Которого нет прекрасней.

Никогда еще не было
Так хорошо
И так безнадежно.
Ведь я – это только глаза.

Мелькнувшей искрой

Мелькнувшей искрой
Сквозь тучи серость
Замерзший воздух,
Ноябрь без снега.
Сверкнувший бликом
Далеких молний,
Похоже, с Марса.
Да нет, с Венеры.
Теплом согретый
Мою надежду,
Догнавший сердце
Почти у пяток
Твой светлый взгляд –
Он словно током...
И как же раньше
Я не заметил?
Слепой, как пень?
Весьма возможно.
Или глаза ты
Не открывала?

Ракушка

И в самый сильный холод
Ты почти не носишь одежды,
Но свою душу надежно
прячешь в ракушке от
Окружающего мира
, наоборот,
закутан по самые уши
даже в незначительную слякоть.
А душа ходит голой
Где ей вздумается.
И как теперь быть со всем этим?
Которые сутки
я сижу возле твоей ракушки
И пытаюсь хотя бы заглянуть внутрь!
Вылезай уже!
А то как-то глупо
Да и пока целовал панцирь,
Губы в кровь ободрал.

Тень

Я – бесплотная тень
Неумелых стихов.
Я – беззвучная песнь
Твоих будущих драм.
Я – свидетель немой
Твоих сладких грехов,
Твоих горьких обид,
Карта всех твоих стран.
Только ты запоешь –
Я уже тут как тут.
Лишь отроешь глаза –
В изголовье стою.
Выбирай же любой
Самый сложный маршрут,
Даже в пропасть лети –
Удержу... на краю.

МСК – СПБ

От дождей – к еще большим дождям,
От растерянности – к нелюбви:
Нелюбви к скрипкам и бигудям,
Меланхолии мокрой листвы.
Ну и что же стоять тут, плыви
Ты по улице, как по реке.
Вот вокзал, как остаток Москвы,
Еле светит фонарь вдалеке.
Каждый раз – это легкий испуг,
А потом синева на века.
Даже если окажутся вдруг
Вместо неба дожди-облака.
Снова здесь день прошедший искать.
Пусть не очень понятно, какой.
Снова здесь, где еще можно ждать,
Что найдется он... вместе с тобой.

10. Джим Моррисон и сыновья

The Doors – это вирус. А мы все его жертвы. Но данный раздел для жертв вируса вполне безопасен, потому как повторно заразиться невозможно. Равно как и излечиться.

When the music s over – 2

Предупреждение: читать все, что ниже, имеет смысл только под композицию “When the music’s over”. Да и то только тому, у кого голова на эту тему отстрелена полностью.

Мне легче писать это, пока играет
When the music’s over.
Во-первых, оттого, что есть ритм,
А во-вторых, music’s действительно over.
Просто потому, что вряд ли хватит сил нажать на повтор.
Музыка заглушает стук сердца.
Однажды ты перестаешь его слышать,
Потом чувствовать,
И, наконец, уже боишься нажать на выкл.
Потому что точно знаешь – сердца уже нет.
В наступившей пустоте станет ясно,
Что твои движения – это только конвульсии.
Таким образом, есть еще 10 минут.
Нужно многое успеть.
...Turn out the lights
Собственно, все уже погасло.
И просто припомни, как
Именно это было.
Ничего не вспоминается...
Кажется, что просто наброс (замыкание) –
И все обесточено.
Как тогда на дискотеке
Сквозь шорох тел и приторный
Запах надвигающегося поеба
Ты услышал Южную ночь...
Ночь нежна.
Кому-то и Крым – север.
Но ты знаешь, что настоящий север
Не такой.
Полярная ночь вымораживает душу
(где ты был в ночь с первого октября на первое апреля).
...The girl in the window won’t drop...
Северная ночь в конечном итоге выморозила и ее?
Но когда она все-таки решилась шагнуть,
Зацепилась юбкой за балкон
И ударилась насмерть о стену.
Все случилось еще в полете.
Падать можно было в палисадник.
Пятый этаж... еще был какой-то шанс.
Здесь – уже нет.
Это не то же самое,
Что бросаться с Крестовского путепровода,
Вырываясь из мужских рук,
Но все же зная, что тебя не отпустят.
the scream on the butterfly...
Но кого не сожжет чахоточный Север,
Спалит горячий Юг.
Когда Вадика привезли оттуда,
Ты не узнал его.
Правду говоря, он был глуповат, весел
и чужд всяких метаний

(дураки – веселые люди).
Но сделал он больше, чем мог
(и за тебя тоже, ты ведь отсиделся, не был там),
Глупо погибнув на растяжке,
Когда все уже было практически кончено.
Его облепили красивые бабочки,
Которые живут только между вечными снегами,
И пряной горной весной.
Одну он сжимал в руке до самого конца...
А ты стоял и плакал,
Как будто умер твой отец.
Хотя вы были едва знакомы.
...Ravaged and plundered and ripped her...
Здесь, между Севером и Югом,
Бесконечно балансируя
На невидимой тонкой трапеции,
Ты можешь увидеть оба берега.
Но река мелеет – И скоро они сольются в один и
Твоя иллюзия счастья кончится...

...I hear very gentle sound
Сей sound мало утешителен,
Веревки оборваны,
Балаган закрывается.
И больше никто не повернется тебе
И не откроет сердце
За то,
Что ты видишь лучше
и чувствуешь острее других,
... When the music's over...
Признай это.
Но пока набери воздуха в легкие и заори:

WE WANT THE WORLD AND WE WANT IT NOW!!!!!!

Просто потому что ты действительно его получишь.
И плевать что Персидская ночь – еще хуже туркменской,
В которой рассыпана атомами ненависть басмачей,
Умиравших под огнеметами,
И до сих пор бессильно глядящих
На довольного собой Буденного,
Крутящего свой длинный ус.
Просто потому, что тебе сегодня опять повезло –
Кто-то попросил за тебя Там,
И Джим опять спел только для тебя.
Ведь он действительно умер и не хотел возвращаться,
Но его вытащили, встряхнули и сказали: пой!
Сегодня ты должен пробить мембрану магнитофона
(давно пора было выкинуть эту рухлядь, ты не находишь),
Чтобы этот дурачок нашел в себе силы
выйти на дорогу
поднять руку
и в тишине
оценить свой шанс
...until the end...

(обрыв рукописи)

Мы бы стали...

Падая и растворяясь
в морской пучине,
Посылаю Вам привет
И пожелание
Остаться еще более желанной,

Там, на дне
Еще не съеденный рыбами и ящерицами,
но уже весь в ракушках
Я буду надеяться,
что мне действительно не о чем грустить
кроме Вас.
И когда мы встретимся вновь
я молюсь, чтобы
нам удалось обойтись без церемоний
И сверкающие сказки о героях и любовниках
не заслонили бы того, чего они не должны заслонять.

Требование тишины

Волшебный корабль Мананнана,
Говорящий и (главное дело) поющий меч Кухулина,
Камень Судьбы, кричащий от радости
Под ногой истинного Короля.

А также

Паскудное ГАИ за окном
И вечная погремушка – телевизор

Совершенно заглушают
То, о чем ты тихо напеваешь
Всего чуть более чем в 1500 километрах отсюда.

Да заткнитесь вы, блять, все!!!

Хотя бы на миг...

Я просто хочу убедиться,
Что это не сон,
Что это на самом деле,

А не как в прошлый раз...

P.S.: се упоминаемые по тексту персонажи относятся к кельтскому народному эпосу.

The End of the Paris Journal

1.

Сегодня в городе
столько солнца,
что дома не отбрасывают тени
Даже на закате,
Потому что настал май месяц.
Это иногда больно, иногда весело,
Но всегда очень странно.

Иногда ты не можешь остановиться и бродишь по городу едва ли не

.

Иногда, наоборот, не можешь пошевелиться
И часами сидишь на какой-нибудь скамейке
(чаще всего – Покровский или Яузский бульвар, но не обязательно).
И не можешь оторвать глаз от распускающейся листвы
(спрашивая себя: листика, что ли никогда не видел, идиот?)

В следующей жизни, когда мы наконец-то будем вместе,
я буду смотреть только на тебя

И разговаривать с тобой каждую секунду,
Даже не открывая рта,
Как сейчас я разговариваю с камнями, деревьями и небом.
В следующей жизни этого всего уже не будет
Или будет совсем не важно.
Да и не велика потеря: у них одновременно семь пятниц на неделе, и
завсегда одно и то же.
Единственное, о чем я жалею,
Так это о том, что
Мне приходится одному встречать май месяц
Без тебя.
Сегодня, сейчас.
И сколько раз приходилось до этого.

2.

Не столь важно, как именно
Ты закрасишь
Пустоту, что у тебя внутри:
Косметикой,
Кривой ли усмешкой,
Или очками в пол лица,
Это никого не может обмануть.
Тем более, здесь.
Но ты делаешь это не для них,
Хотя и следишь
За тем, что называется модой,
И регулярно меняешь очки.
Это все для себя.
Художник, что
расписал плафон в этом дворце,
Знал тридцать способов рисовать небо.
Мы знаем едва ли один
Прием, с помощью которого
Можно создать иллюзию счастья,
Да и тот...
Тем не менее,
Каждый день мы приходим
в одно и то же место.
И в твоём взгляде

Среди обиды, боли и
Временами прорывающегося отчаяния

Я читаю: We shall miss nothing, except each other

Да, все так:
Мы не будем грустить ни о чем.
Только друг о друге.
Непонятно одно
Джим, как же ты, пьяная сука,
Мог предвидеть это
столько лет назад?

3.

Do you remember...
Скажи, ты помнишь этот дом?
Ведь тогда он был совсем не таким!
Казалось бы, что за срок – 10 лет, но они вместили целых три эпохи.
Те самые, которые снова и снова
Водят и возвращают нас сюда
Безо всякой надежды на исцеление.
Некростих, рваный ритм и все остальное – только следствия.
Они мало что объясняют.
Возможно, начало и причина – это дождь
И кошка, сидевшая под козырьком,
Смотревшая вниз гораздо внимательнее, чем можно было ожидать.
А может быть это рояль,
Под которым мы так счастливо встречали
Тот высокосный год?
И хрустящий мороженный снег в семь утра по дороге домой, и звезды
И умирающая Империя,
Решившая, но так и не сумевшая
Отдать хотя бы часть
Своих мрачных долгов за последние два с половиной года жизни.

Толкая дверь подъезда, я вспоминаю:
Мы ищем того, что уже нас постигло
И погружаюсь...
(1999)

4.

Мы о многом не успели поговорить:
О ста невидимых мирах, о небесной тверди.
Да и сказка не дописана.
Боюсь, сейчас это все будет уже бесполезно.
Время утекло куда-то вперед,
А может вбок.
И унесло что-то, без чего
Все разговоры остаются только
Колебанием воздуха.
А молчать невыносимо. Нет привычки.
Поэтому я потихоньку уйду,
Оставив на твоём столе Paris Journal
(он, правда, куплен в городе Париже.
Помню, обсчитали еще на два евро).
В нем нет ни одной записи.
(Хотя можно попробовать погреть над свечкой –
вдруг да проступят заклинания)
Но если вдруг...
Если ты захочешь что-то написать туда...
Словом, я обязательно прочту,
Где бы ни находился.